

Властелин колец (5 глава)

Дж Толкиен

????? ????????

– Ну и ну, до костей пробирает, – выговорил Гимли, стуча зубами, хлопая в ладоши и приплясывая. На ранней зорьке они всухомятку перекусили и теперь дожидались, пока рассветет: вдруг да сыщутся все-таки хоббитские следы. – Да, а старик-то! – вспомнил он. – Вот чей след мне бы ох как хотелось увидеть!

– Зачем бы это? – удивился Леголас.

– Если по земле ходит, значит, он старик и старик, не более того, – пояснил гном.

– Откуда тебе следы возьмутся, трава-то жесткая и высокая.

– Это Следопыту не помеха, – возразил Гимли, – Арагорн и примятую былинку мигом заметит. Другое дело, что нечего ему замечать: призраки следов не оставляют, а являлся нам Саруманов призрак. Что ночью, что поутру я то же самое скажу. Да он и сейчас небось исподтишка следит за нами с той вон лесной кручи.

– Очень может быть, – согласился Арагорн, – однако же вряд ли. Ты, Гимли, помнится, сказал: дескать, спугнули лошадей? Леголас, а ты не расслышал – по-твоему, как они ржали, испуганно?

– Ясно расслышал, – сказал Леголас. – Нет, ничуть не испуганно. Это мы в темноте перепугались, а они – нет, они ржали радостно, точно встречали старинного друга.

– Вот и мне так показалось, – сказал Арагорн. – А что было на самом деле – узнаем, если они вернуться. Ладно! Вон уж светлым-светло. Пойдем искать, думать будем потом! Вкруговую от ночлега и весь склон перед опушкой. Ищем следы хоббитов, с ночным пришельцем отдельно разберемся. Если им каким-нибудь чудом удалось сбежать, то они прятались за деревьями – больше нигде. Не найдем ничего отсюда до опушки, тогда придется обыскивать поле битвы и рыться в пепле. Но там надежда плоха: ристанийские конники свое дело знают.

Они прошупывали и разглядывали каждую пядь. Печальное, поникшее над ними дерево шелестело сухими листьями на холодном восточном ветру. Арагорн медленно продвигался к груде золы от дозорного костра над рекой, потом заново обошел холм последней сечи. Вдруг он остановился и нагнулся так низко, что лицо его утонуло в траве. И подозвал Леголаса с Гимли – те прибежали со всех ног.

– Вот наконец и новости! – объявил Арагорн и показал им изорванный бледно-золотистый лист, немного увядший и порыжелый. – Лист лориэнского мэллорна, в нем крошки, и вокруг крошки рассыпаны. А еще – взгляните-ка! – перерезанные пути.

– Здесь же и нож, которым их перерезали! – заметил Гимли и, склонившись, извлек из дерновины вдавленный в нее копытом короткий зубчатый клинок, затем отломанную рукоять. – Оркский кинжал, – прибавил он, брезгливо разглядывая резной черенок с омерзительной харей, косоглазой и ухмыляющейся.

– Да, это всем загадкам загадка! – воскликнул Леголас. – Связанный пленник сбегает от орков и ускользает от бдительного ока ристанийских конников. Потом останавливается посередь поля и

перерезает пути оркским ножом. Не возьму в толк. Если у него были связаны ноги, то как он сбежал? Если руки – как орудовал ножом? Если ни ноги, ни руки – тогда что это за веревка, зачем разрезана? А каков голубчик-то: едва спасся, тут же уселся и давай закусывать. Сразу видно, что это хоббит, если б и листа мэллорна не было. Дальше, как я понимаю, руки у него обернулись крыльями, и он с песней улетел в лес. Полетим следом и запросто отыщем его: только за крыльями дело стало!

– Нет, видать, без чародейства не обошлось, – заключил Гимли. – Недаром по лесу тот старик шастал. Ну, Арагорн, Леголас нам почти все растолковал, как сумел. Может, ты лучше сумеешь?

– Да попробую, – усмехнулся Арагорн. – Плоховато вы осмотрелись, потому кой-чего и не сообразили. Верно, что пленник этот – хоббит и что либо руки, либо ноги ему еще прежде удалось высвободить. Думаю, что руки, – тогда все понятнее, это первое, а второе – его сюда притащил орк. Неподалеку на земле засохшие подтеки черной крови. И кругом глубокие следы копыт: судя по всему, волокли тело. Орка, разумеется, убили конники, и труп его сожгли в общем костре. А хоббита «посересть поля» не заметили: темень, а он в эльфийском плаще. Перерезал кинжалом мертвеца ножные пути; был он голодный и изнуренный, решил отдохнуть и подкрепиться – что здесь удивительного? Мешка при нем наверняка не было, стало быть, путлибы – из кармана: вот это по-хоббитски, и тут есть чему порадоваться. Я говорю «при нем», хотя, по-моему, спаслись они оба – надеюсь, что так. Пока только надеюсь.

– А как же, по-твоему, удалось одному из них руки высвободить? – спросил Гимли.

– Чего не знаю, того не знаю, – отвечал Арагорн. – Не знаю и того, зачем орк их утащил. Едва ли он помогал им сбежать... Погодите, погодите-ка, я как будто разрешил один вопрос, который донимал меня с самого начала. Кажется, я начинаю понимать, почему орки, одолев Боромира, схватили Мерри с Пином и бросились наутек. Остальных они не искали, скарб наш не разграбили, а припустились прямым путем к Изенгарду. Может, решили, что им в когти попал Хранитель Кольца со своим верным другом? Нет, не так. Не рискнули бы хозяева орков доверить им столь важную тайну, если б даже сами ее проведали. Нельзя с орками в открытую говорить о Кольце: ненадежные они рабы. Им, должно быть, просто велели любой ценой захватить в плен хоббитов и доставить их живьем. А перед решающей битвой кто-то попытался улизнуть с драгоценными узниками. Пахнет предательством, но это у них в заводе; какой-нибудь ражий и лихой орк решил дать тягу с живой добычей и отличиться в одиночку. Вот вам моя разгадка, можете разгадывать иначе. Ясно только, что хотя бы один из наших друзей спасся, и надо его найти и выручить: без этого нет нам пути в Ристанию. Раз судьба занесла его в Фангорн, придется следовать за ним, отринув страхи и опасения.

– Я уж и не знаю, что меня больше пугает: Фангорн или пеший путь в Ристанию, – проворчал Гимли.

– Тогда пошли в Лес, – сказал Арагорн.

Вскоре отыскивались новые, опять-таки еле заметные хоббитские следы: возле берега Онтавы и под раскидистыми ветвями огромного дерева на самой опушке – земля там была голая и сухая.

– Уж один-то хоббит точно стоял здесь и озирался, а потом побежал в Лес, – сказал Арагорн.

– Значит, и нам Леса не миновать, – вздохнул Гимли. – Ох, не по нутру мне этот Фангорн, и ведь сказано было – нам в него не забираться! За ними, так за ними, только бы не сюда.

– А я не думаю, что это злокозненный Лес, не внушает он мне опаски, – задумчиво произнес Леголас. Он стоял у лесного порога, подавшись вперед, вслушиваясь и вглядываясь в тусклую чащобу. – Кознями здесь и не пахнет; я, правда, чую слабое и дальнее зловещее эхо – наверно, где-нибудь в темной глуши деревья с гнилой сердцевиной таят недобрые замыслы. Но поблизости нет никакого лихоейства, просто Лес встревожен и рассержен.

– На меня-то за что ему сердиться? – буркнул Гимли. – Я ему худа не сделал.

– Не сделал, – подтвердил Леголас. – Но он и без тебя натерпелся. И еще... Что-то такое в этом Лесу то ли творится, то ли готовится. Чувствуешь, как замерло все кругом? Дыханье перехватывает.

– Да, душновато, – согласился гном. – Лихолесье-то ваше куда погуще будет, и дух там спертый, но

не такой затхлый, и деревья не такие ветхие.

– Древний Лес, очень древний, – проговорил эльф. – Я даже словно бы помолодел, а то с вами, детишками, я сущий дед-лесовик. Древний Лес, хранилище памяти. Мне бы здесь гулять да радоваться, кабы не война.

– Тебе-то конечно, – хмыкнул Гимли. – Ты как-никак лесной эльф, хотя все вы, эльфы, и лесные, и прочие, народ чудной. Однако ты меня приободрил. Что ж, куда ты, туда и я. Ты держи лук наготове, а я приготовлю секиру. Только пусть деревья не сердятся, – поспешно добавил он, покосившись на могучий дуб, под которым они стояли, – я их пальцем не трону. Просто не хочу, чтобы тот старик, чего доброго, застал нас врасплох, вот и все. Пойдемте!

К Леголас и Гимли не отставали от Арагорна, а тот шел чутьем по грудам сухой листвы, меж ворохами валежника. «Беглецов, – рассудил он, – наверняка потянет к воде», – и держался близ берега Онтавы. Так они и вышли к тому месту, где Мерри и Пин напились, вымыли ноги и оставили две пары отчетливых следов – побольше и поменьше.

– Добрая весточка, – сказал Арагорн. – Следы, В правда, третьегодняшние, и похоже, что затем хоббиты пошли прочь от реки.

– Ну и как же нам быть? – спросил Гимли. – Прочесывать, что ли, весь Фангорн? Припасов у нас маловато. Хороши мы будем, ежели хоббиты найдутся через неделю-другую: усядемся рядком и для пущего дружества вместе ноги протянем.

– Хоть ноги вместе протянем, тоже неплохо, – сказал Арагорн. – В путь!

В свой черед они подошли к отвесу Древенной горы и, запрокинув головы, разглядывали щербленые ступени, ведущие на уступ. Сквозь быстрые рваные облака пробивалось солнце, оживляя и расцветчивая унылый серый лес.

– Взберемся наверх, оглядеться бы надо! – предложил Леголас. – Трудно все-таки дышится, а там воздух посвежее.

Арагорн пропустил друзей вперед и медленно поднимался следом, тщательно осматривая ступени и выступы.

– Почти уверен, что хоббиты здесь побывали, – сказал он. – Но следов их незаметно, а чьи тут небывалые следы – ума не приложу. Ладно, оглядимся, может, что и высмотрим.

Он выпрямился во весь рост и без особой надежды окинул взглядом окрестность. Уступ был обращен на юго-восток, с хорошим восточным обзором. Но виднелись только верхушки деревьев, серо-зеленой лавиной наползавших на степь.

– Изрядного мы крюка дали, – заметил Леголас. – Свернули бы на второй или третий день к западу от Великой Реки и давным-давно все как один добрались бы досюда. Так ведь почему знать, куда тебе надо, пока не придешь.

– Нам вовсе и не надо было в Фангорн, – возразил Гимли.

– А попали мы сюда, как птички в силоч, – сказал Леголас. – Посмотри!

– Куда смотреть-то?

– Вон туда, в чашу.

– Ну и что ты там углядел своими эльфийскими глазами?

– Тише ты разговаривай! Смотри, смотри, – показал Леголас. – В лесу, на тропе, которой мы шли... Это он: видишь, пробирается между деревьями.

– Ага, теперь вижу! – зашептал Гимли. – Гляди, Арагорн! Говорил я тебе? Старик, он самый, в грязном сером балахоне, потому я его сначала и не заметил.

Арагорн присматривался к согбенному путнику: тот уже вышел из лесу у склона горы. С виду старый нищий, брел он еле-еле, подпираясь суковатым посохом, брел, устало понурив голову, не глядя по сторонам. В других землях они бы окликнули его, обратились с приветливым словом, а сейчас стояли молча, напрягшись в непонятном ожидании, чуя смутную и властную угрозу.

Гимли глядел во все глаза, как согбенный старец шаг за шагом приближался, и наконец не вытерпел, крикнул сдавленным шепотом:

– Бери лук, Леголас! Целься! Это Саруман. Не давай ему рта раскрыть, а то околдует! Стреляй сразу!

Леголас нацепил тетиву – медленно, будто вопреки чьей-то воле – и нехотя извлек стрелу из колчана, но к тетиве ее не приладил.

– Чего ты ожидаешь? Что это с тобой? – яростно прошептал Гимли.

– Леголас прав, – спокойно молвил Арагорн. – Нельзя беспричинно и безрассудно убивать немощного старика, чего бы мы ни опасались, что бы ни Подозревали. Подождем, посмотрим!

Между тем старец вдруг ускорил шаг, мигом оказался у подножия каменной лестницы, поднял голову и увидел безмолвных наблюдателей на уступе, но не издал ни звука.

Лицо его скрывала накидка и нахлобученная поверх нее широкополая шляпа, виднелись лишь кончик носа да седая борода. Однако Арагорну показалось, что из-под невидимых бровей сверкнули острым блеском пронзительные глаза. Наконец старик нарушил молчание.

– С добрым утром, друзья! – негромко проговорил он. – Я не прочь с вами потолковать. Может, вы спуститесь или я поднимусь к вам?

Не дожидаясь ответа, он двинулся по ступеням.

– Ну же! – вскрикнул Гимли. – Стреляй в него, Леголас!

– Сказал же я, что не прочь потолковать с вами, – настойчиво повторил старик. – Оставь в покое лук, сударь мой эльф!

Лук и стрела выпали из рук Леголаса, и плечи его опустились.

– А ты, сударь мой гном, сделай милость, не хватайся за секиру! Она тебе пока не понадобится.

Гимли вздрогнул и замер как изваяние, а старик горным козлом взлетел по ступеням – немощь его как рукой сняло. Он шагнул на уступ, сверкнув мгновенной белизной, точно белым одеянием из-под засаленной ветоши. В тишине было слышно, как Гимли с присвистом втянул воздух сквозь зубы.

– Я повторяю, с добрым утром! – сказал старик, подходя к ним. За несколько футов он остановился, тяжело опершись на посох, вытянув шею и, должно быть, оглядывая всех троих таящимися под накидкой глазами. – Что привело вас в здешние края? Эльф, человек и гном – и все одеты по-эльфийски! Наверно, вам есть о чем порассказать: здесь такое не часто увидишь.

– Судя по твоим речам, ты хорошо знаешь Фангорн? – спросил в ответ Арагорн.

– Какое там! – отозвался старик. – На это ста жизней не хватит. Но я сюда иной раз захоживаю.

– Может быть, ты назовешься, и мы выслушаем тебя? – предложил Арагорн. – Утро на исходе, а мы торопимся.

– Меня вы уже выслушали: я спросил, что вы здесь делаете и что вас сюда привело? А имя мое!..

Старик залился тихим протяжным смехом. Холод пробежал по жилам Арагорна, и он встрепенулся, но это был не холодный трепет ужаса: он точно глотнул бодрящего морозного воздуха, ему точно брызнуло свежим дождем в лицо, прерывая тяжкий сон.

– Мое имя! – повторил старик, отсмеявшись. – А вы разве еще не угадали? Кажется, вам доводилось его слышать. Да наверняка доводилось. Лучше уж вы скажите, какими судьбами вас сюда занесло.

Но никто из троих не вымолвил ни слова.

– Можно подумать, что дела у вас неблагоприятные, – продолжал старик. – Но, по счастью, я о них кое-что знаю. Вы идете по следам двух юных хоббитов – так, кажется? Да, хоббитов. Не делайте вида, будто впервые слышите это слово. Вы его слышали прежде, да и я тоже. Они, хоббиты, стояли на этом самом месте позавчера и здесь повстречались... скажем так, неведомо с кем. Любопытно вам это слышать? Или вы вдобавок захотите узнать, куда они после этого делись? Ладно уж, расскажу, что знаю. Однако почему мы стоим? Не так уж вы торопитесь, как вам кажется. Давайте-ка, правда, посидим, потолкуем.

Старик повернулся и отошел к россыпи валунов и высокой скале у отвесной кручи. И сразу же, словно рассеялось волшебство, все трое воспрянули. Гимли схватился за рукоять секиры, Арагорн обнажил меч, Леголас поднял свой лук.

Ничего этого как бы не замечая, старик присел на низкий и плоский обломок; его ветхий балахон распахнулся – да, он был весь в белом.

– Саруман! – крикнул Гимли, подскочив к нему с занесенной секирой. – Говори! Говори, куда упрятал наших друзей? Что ты с ними сделал? Говори живей, колдовством не спасешься, я надвое раскрою тебе череп вместе со шляпой!

Но старик опередил его. Он вскочил на ноги, одним махом вспрыгнул на скалу и внезапно вырос, как слепящий столп, сбросив накидку вместе с балахоном. Сверкало его белое одеяние. Он воздел посох, и секира Гимли бессильно звякнула о камни. Меч Арагорна запылал в его недрогнувшей руке. Леголас громко вскрикнул, и стрела его, полыхнув молнией, прыгнула в небеса.

– Митрандир! – возгласил он затем. – Это Митрандир!

– Повторяю тебе: с добрым утром, Леголас! – промолвил старец.

Пышные волосы его блистали, как горный снег, сияло белоснежное облаченье, ярко светились глаза из-под косматых бровей, и мощь была в его поднятой руке. От изумленья, ужаса и восторга все трое приросли к земле и утратили дар речи.

Наконец Арагорн обрел язык.

– Гэндальф! – воскликнул он. – Ты ли это возвратился в час нашего отчаяния? Как мог я тебя не узнать, о Гэндальф!

Гимли молча упал на колени, закрыв руками лицо.

– Гэндальф, – повторил старец, как бы припоминая давно забытое имя. – Да, так меня звали. Я был Гэндальфом.

Он сошел со скалы, поднял сброшенную серую хламиду и снова облачился в нее – будто просиявшее солнце утонуло в туче.

– Да, можете по-прежнему называть меня Гэндальфом, – сказал он, и голос его зазвучал, как прежде, стал голосом старого друга и наставника. – Встань, мой добрый Гимли! Нет за тобой вины, и вреда ты мне не нанес. Да, по правде говоря, и не мог: я неуязвим для вашего оружия. Приободритесь же! Вот мы и встретились снова, на гребне вскипевшей волны. Грядет великая буря, но эта волна спадает.

Он возложил руку на круглую голову Гимли; гном поднял глаза и внезапно рассмеялся.

– Точно, Гэндальф! – признал он. – Но почему ты в белом?

– Теперь мне пристало белое одеяние, – отвечал Гэндальф. – Можно даже сказать, что я теперь Саруман – такой, каким ему надлежало быть. Но это потом, расскажите-ка о себе! Я не тот, кого вы знали! Я сгорел в черном пламени, захлебнулся в ледяных подземных водах. Забылось многое из того, что было мне ведомо прежде, и многое ведомо заново – из того, что было забыто. Я отчетливо вижу дали, а вблизи все как в тумане. Рассказывайте о себе!

– Что ты хочешь узнать? – спросил его Арагорн. – Столько всякого приключилось с тех пор, как мы вышли из Мории; это долгая повесть. Скажи нам сперва про хоббитов – ты нашел их, они целы и невредимы?

– Нет, я их не нашел и не искал, – покачал головой Гэндальф. – Долины Привражья были покрыты мглой, и я не знал, что их захватили в плен, пока орел не сказал мне об этом.

– Орел! – воскликнул Леголас. – Я видел орла в дальней выси: последний раз над Привражьем, четвертого дня.

– Да, – подтвердил Гэндальф, – это был Гвайгир Ветробой, тот, что вызволил меня из Ортханка. Я послал его в дозор, следить за Великой Рекой и разведать новости. Немало, однако, укрылось от его орлиного глаза в лесах и лощинах, и то, чего он не увидел, потом разузнал я сам. Хранитель Кольца ушел далеко, и подмоги ему не будет ни от меня, ни от вас. Черный Властелин едва не отыскал свое орудие всевластья, но этого не случилось, отчасти и потому, что я из заоблачных высей противился его непреклонной воле и отвел ее от Кольца: Тень пронеслась мимо. Но я тогда обессилел, совсем обессилел и долго потом блуждал во мраке забвенья.

– Значит, про Фродо ты все знаешь! – обрадовался Гимли. – Где он, что с ним?

– Этого я не знаю. Он избег страшной опасности, но впереди его ждут другие, еще пострашнее. Он решился один-одинешенек идти в Мордор и отправился в путь – вот все, что мне известно.

– Не одинешенек, – сказал Леголас. – Похоже, Сэм увязался за ним.

– Вот как! – Гэндальф улыбнулся, и глаза его блеснули. – Увязался, значит? Это для меня новость, впрочем, предвиденная. Хорошо! Хорошо, что это сбылось! Мне стало легче на сердце. Присядьте и расскажите подробнее о своих злоключениях.

Друзья уселись у его ног, и Арагорн повел рассказ. Гэндальф долго слушал молча, прикрыв глаза и положив руки на колени, и вопросов не задавал. И лишь когда Арагорн поведал о гибели Боромира и о скорбном отплытии его праха по Великой Реке, старик вздохнул.

– Ты сказал не все, что знаешь или о чем догадался, друг мой Арагорн, – мягко заметил он. – Бедняга Боромир! А я-то недоумевал, что с ним приключилось. Трудное выпало испытание ему, прирожденному витязю и военачальнику. Галадриэль говорила мне, что с ним неладно. Но он победил себя – честь ему и хвала. Значит, даром мы взяли с собой юных хоббитов – даже если только ради Боромира. На самом же деле – не только ради него. Орки, на свою беду, дотащили их до Фангорна... да, мелкие камушки обрушивают горный обвал. Далекий гул его слышен уже сейчас – и горе Саруману, если он не успеет укрыться от лавины за крепостными стенами!

– В одном ты вовсе не изменился, дорогой друг, – сказал ему Арагорн. – Ты по-прежнему говоришь загадками.

– Да? Разве? – отозвался Гэндальф. – Нет, я просто говорил вслух сам с собой. Стариковский обычай: избирай собеседником мудрейшего – молодежи слишком долго все объяснять.

Он рассмеялся, но теперь и смех его был ласков, как теплый солнечный луч.

– Меня молодым не назовешь, даже в сравнение с королями древности, – возразил Арагорн. – Ты разъясни, попробуй, а я постараюсь понять.

– Как же мне вам разъяснить, чтоб всем троим было понятно? – призадумался Гэндальф. – Ладно, попробую – вкратце и как нельзя проще. Враг, разумеется, давно уже выведал, что Кольцо в наших руках и что оно доверено хоббиту. Он знает, сколько нас отправилось в путь из Раздоло, знает, кто мы такие, про всех и каждого. Покамест неведома ему лишь наша цель. Он думает, что все мы держим путь в Минас-Тирит, ибо так он поступил бы на нашем месте. И поступил бы мудро, подрывая и умаляя враждебную мощь. Сейчас он в великом страхе ждет внезапного появления неведомого и могучего недруга, который наденет Кольцо, дабы низвергнуть его бывшего Властелина и самому воцариться на черном троне. Что мы хотим лишь низвергнуть, а не заменить его – это превыше его разумения. Что мы хотим уничтожить Кольцо – это ему и в самом страшном сне не приснится. Таков неверный залог нашей удачи, зыбкое основание надежды. Опережая призрака, он поспешил с войной: ведь если первый удар – смертельный, то второго не надо. И вот по мановению его зашевелились – раньше намеченного – давно и втайне снаряжавшиеся полчища. Мудрый глупец! Ему бы всеми силами охранять Мордор, чтоб туда муха не залетела, и всеми средствами охотиться за Кольцом – и не было бы у нас никакой надежды: с помощью самого Кольца он быстро отыскал бы его Хранителя. Но взор его рыщет за пределами Мордора и вперяется в Минас-Тирит. Скоро, очень скоро на Гондор обрушится грозная буря.

Ибо уже известно ему, что лазутчики, высланные наперехват Хранителям, сгинули без следа. Кольцо не отыскалось. И заложников-хоббитов ему не доставили. Если бы удалось хоть это, судьба наша повисла бы на волоске. Но не стоит беречь сердце ужасами испытаний, ожидавших хрупкую стойкость наших малышей в застенках Черного Замка. Пока что планы Врага сорвались – благодаря Саруману.

– Так, значит, Саруман – не предатель? – удивился Гимли.

– Предатель, конечно, – сказал Гэндальф. – Вдвойне предатель. Ну не чудеса ли! Из наших недавних горестей горше всего казалась нам измена Сарумана; к тому же, сделавшись владыкой и воеводой, он большую силу набрал. Он сковал угрозой Мустангрим, и отсюда не шлют дружины в Минас-Тирит, на защиту от нашествия с востока. Но изменник всегда сам себе петлю вьет. Саруман возмечтал овладеть Кольцом или же захватить хоббитов и выпытать у них всю подноготную. А удалось ему на пару с Сауроном всего лишь вихрем домчать Мерри и Пина к Фангорну, и они как раз вовремя оказались там, куда бы иначе нипочем не попали!

А обоюдные подозрения путают их планы. В Мордоре о битве у опушки ничего не знают, спасибо ристанийским конникам; зато известно, что в Привражье были захвачены в плен два хоббита и что их умыкнули в Изенгард вопреки велению Черного Властелина. Теперь ему надо остерегаться Изенгарда в придачу к Минас-Тириту. И если Минас-Тирит падет, худо придется Саруману.

– Как жаль, что наши друзья поневоле мешают им сцепиться! – заметил Гимли. – Будь Изенгард и Мордор соседями, дрались бы они между собой, а нам было бы легче разделаться с обессиленным победителем.

– Мощь победителя возросла бы вдвое, а сомнения исчезли бы, – возразил Гэндальф. – Да и куда Изенгарду воевать с Мордором – разве что Саруман прибрал бы к рукам Кольцо, но теперь это ему больше не грозит. Он и сам еще не ведает, в какую петлю угодил. Вообще ему многое невдомек. Он так спешил ухватить добычу, что не усидел дома, вышел навстречу своим лазутчикам. Но опоздал: лишь куча пепла осталась от его свирепой своры. Недолго он здесь бродил. Его сомнения и помыслы ясны мне до смешного. В лесной науке он не смыслит: что ему Фангорн! Он решил, что конники перебили всех без разбора и спалили все трупы, а были с орками пленники или нет – это ему неизвестно. Он ничего не ведает ни о распре своих молодцов с посланцами Мордора, ни о Крылатом Супостате.

– Какой еще Крылатый Супостат! – перебил Леголас. – Я его подстрелил из лориэнского лука над Взгорным Перекатом; он рухнул в воду. Нагнал он на нас страху. А что это было за чудище?

– Это чудище стрелой не достанешь, – сказал Гэндальф. – Ты спешил всадника, добро тебе, но он опять верхом. Это назгул, один из Девятерых, они теперь носятся на крылатых тварях. Скоро эти невиданные чудища, черной тучей затмевая небеса, нависнут над последними ратями Запада, и ужас оледенит сердца наших воинов. Но пока что им не велено перелетать за Великую Реку, и Саруман еще не проведал о новом обличье Кольценосцев. В мыслях у него одно Кольцо: а вдруг его нашли на

поле брани? Что, если оно теперь у Теодена, конунга Мустангрима, что, если он распознает Кольцо и сумеет им воспользоваться? Это страшит Сарумана больше всего, потому он и кинулся назад в Изенгард, чтобы удвоить и утроить натиск на Ристанию. А угроза таится вовсе не там, куда обращен его воспаленный взор. Угроза у него под боком: про Древень-то он и думать забыл.

– Ты опять говоришь сам с собой, – улыбнулся Арагорн. – Я не знаю, кто такой Древень. О двойном предательстве Сарумана я догадался, но какой прок в том, что судьба забросила хоббитов в Фангорн, а мы попусту сбились с ног и потеряли время?

– погоди, погоди! – вмешался Гимли. – Я сперва хочу про другое спросить. Вчера-то вечером кто был на опушке – ты, Гэндальф, или же Саруман?

– Меня там вчера вечером не было, – отвечал Гэндальф, – стало быть, вы видели Сарумана. Должно быть, мы так схожи, что ты недаром покушался раскроить надвое мою шляпу.

– Ладно, ладно! – сказал Гимли. – Я рад, что это был не ты.

– Еще бы, о досточтимый гном, – опять рассмеялся Гэндальф. – Приятно все-таки хоть в чем-то не ошибиться. Мне ли, увы, этого не знать? Но ты не подумай, я на тебя ничуть не в обиде за приветливую встречу. Разве не я всегда твердил друзьям, чтобы они на всякий случай опасались собственной тени? Так что хвала тебе, Гимли, сын Глоина! Может быть, тебе однажды доведется увидеть рядом меня и Сарумана – тогда и разберешься.

– О хоббитах речь! – напомнил Леголас. – Мы прибежали сюда сломя голову их выручать, а ты, оказывается, знаешь, где они? Говори, где!

– Там же, где Древень и прочие онты, – отвечал Гэндальф.

– Онты! – повторил Арагорн. – Значит, не врут старые небылицы об исполинах-древопасах из лесной глуши? Есть еще онты на белом свете? А я думал, это обманный отзвук былых дней или просто ристанийские байки.

– Ристанийские! – воскликнул Леголас. – Да любой тебе эльф в Глухоманье слышал и помнит жалобные песни про онодримское разлучение! Но даже и для нас это древние были. Вот бы мне встретить живого онта, тогда бы я и вправду помолодел! Но «Древень» – это же «Фангорн» на всеобщем языке, а ты ведь говорил не о Лесе. Кто такой Древень?

– Ну и вопрос, – вздохнул Гэндальф – Я о нем совсем немного знаю, а начни я рассказывать, и этой незатейливой повести конца не будет видно. Древень – это и есть Фангорн, главный здешний лесовод, извечный обитатель Средиземья. А знаешь, Леголас, возможно, ты с ним еще и встретишься. Вот Мерри с Пинном повезло: они на него наткнулись прямо здесь, где мы сидим. Третьего дня он унес их к себе в гости на другой конец Леса, к горным подножиям. Он сюда частенько захаживает, когда ему беспокойно, а нынешние слухи один другого тревожней. Я видел его четверо суток назад: он бродил по лесу и, кажется, заметил меня, даже остановился, но я не стал с ним заговаривать: меня угнетали мрачные мысли, и я был изнурен поединком с Оком Мордора. Он промолчал и не окликнул меня.

– Наверно, он тоже принял тебя за Сарумана, – предположил Гимли. – Но ты о нем говоришь так, точно это друг. А вроде бы Фангорна надо остерегаться?

– Остерегаться! – усмехнулся Гэндальф. – Меня тоже надо остерегаться: опасней меня ты в жизни никого не встретишь, разве что тебя приволокут живьем к подножию трона Черного Владыки. И Арагорна надо остерегаться, и Леголаса. Поберегись, Гимли, сын Глоина, да и тебя тоже пусть поберегутся! Конечно, Фангорн-Лес опасен – особенно для тех, кто размахивает топорами, и опасен лесной страж Фангорн, однако же мудрости и доброты ему не занимать. Веками копились его обиды, чаша терпения переполнилась, и весь Лес напоен гневом. Хоббиты с их новостями расплескали чашу и обратили гнев на Сарумана, на изенгардских древорубов. И будет такое, чего не бывало со Дней Предначальных: смиренные онты, воспрянув, познают свою непомерную силу.

– А что они могут? – изумленно спросил Леголас.

– Не знаю, – сказал Гэндальф. – Если бы я знал! Должно быть, и сами они этого не ведают. Он замолчал, низко склонив голову.

Друзья не сводили с него глаз. Проглянувшее солнце озарило его руки и наполнило пригоршни светом, словно живую чашу. Он обратил лицо к небесам.

– Близится полдень, – сказал он. – Пора в путь.

– Пойдем туда, где сейчас Древень и хоббиты? – спросил Арагорн.

– Нет, – отвечал Гэндальф. – Наш путь не туда лежит. Я вас обнадежил, но от надежды до победы как до звезды небесной. Война зовет нас; все наши друзья уже сражаются. Верную победу в этой войне сулит одно лишь Кольцо. Скорбь и тревога обуревают меня, ибо впереди великие утраты, а может статься, и всеобщая гибель. Я – Гэндальф, Гэндальф Белый, но черные силы ныне превозмогают.

Он поднялся и устремил на восток пристальный взор из-под ладони, вглядываясь в непроницаемую даль. И покачал головой.

– Нет, – сказал он тихо, – его уже не вернуть, порадуемся хотя бы этому. Кольцо перестало быть для нас искушением. Мы пойдем навстречу отчаянию и гибели, но эта смертельная опасность миновала. – Он обернулся. – Мужайся, Арагорн, сын Араторна! В долине Привражья, в горестный час ты выбрал свой жребий: не сожалей о выборе, не называй вашу погоню тщетной. В тяжком сомнении ты избрал путь, указанный совестью. Ты поступил правильно, и награда не замедлила: мы с тобой встретились вовремя – беда, если бы разминулись. Спутники твои как хотят; они свое исполнили. Тебе же должно спешить в Эдорас, к трону Теодена, и да заблещет ярче всех молний меч твой Андрил, стосковавшийся по сече! Ристания охвачена войной, но страшнее войны – немощь Теодена.

– Значит, мы больше никогда не увидим веселых малышей-хоббитов? – спросил Леголас.

– Я этого не говорил, – сказал ему Гэндальф. – Почем знать! Иди туда, где ты нужен, наберись терпенья и не теряй надежды. Итак, в Эдорас! Мне с вами пока по пути.

– Пешему путнику – и старому, и молодому – долго отсюда брести до Эдораса, – сказал Арагорн. – Пока мы дойдем, все битвы уже отгремят.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал Гэндальф. – Так ты идешь со мной?

– Да, мы пойдем вместе, – ответил Арагорн. – Но ты, конечно, опередишь меня, если захочешь.

Он поднялся и долгим взглядом посмотрел на Гэндальфа. Они стояли друг против друга, и в молчании наблюдали за ними Леголас и Гимли. Суров, как серое каменное изваяние, высился Арагорн, сын Араторна, держа руку на мече; казалось, величавый исполин явился из-за морей на берег своей державы. А перед ним ссутулился согбенный годами старец, весь в белом сиянии, наделенный властью превыше царей земных.

– Поистине сказал я, Гэндальф, – произнес наконец Арагорн, – что ты всегда и везде опередишь меня, если захочешь. И скажу еще вот что: ты – ниспосланный нам предводитель. У Черного Владыки Девятеро приспешников. Но властительней, чем они все, наш Белый Всадник. Он прошел сквозь огонь, бездна не поглотила его, и они рассеются перед ним. А мы пойдем вслед за ним, куда он нас поведет.

– Втроем не отстанем, – подтвердил Леголас. – Только все-таки, Гэндальф, расскажи ты нам, что выпало на твою долю в Мории? Неужто не расскажешь? Велико ли промедленье, а на сердце у друзей как-никак полегчает!

– Я уж и так промедлил, а время не ждет, – сказал Гэндальф. – Да и рассказов тут хватит на год с лишним.

– На год с лишним не надо, а полчаса можно, – попросил Гимли. – Расскажи хотя бы, как ты

разделался с Барлогом.

– Не именуй его! – Гэндальф вздрогнул, лицо его мертвенно посерело, и он застыл в молчании. – Падал я очень долго, – наконец выговорил он, припоминая как бы через силу. – Я очень долго падал, а тот падал вместе со мной и опалил меня своим огнем до костей. Потом нас поглотили черные воды, и замогильный мрак оледенил мое сердце.

– Бездонна пропасть под Мостом Дарина, и несть ей меры, – глухо произнес Гимли.

– Она не бездонна, она лишь невероятна, – сказал Гэндальф. – И, однако ж, я достиг ее дна, последней каменной глубины. Но он был со мной; лишившись огня, он сделался скользким и могучим, как огромный удав.

И там, в заподземном глухом тупике, мы продолжали бой. Он сдавливал меня змеиной хваткой, а я разил его мечом, и он бежал от меня по извилистым узким проходам, не кирками народа Дарина прорубленным, о Гимли, сын Глоина. Так глубоко не забивался ни один гном; каменные корневища гор источены безымянными тварями, неведомыми самому Саурону, ибо они древнее его. О тамошнем кромешном ужасе я молчу, чтоб не омрачить дневной свет. Выбраться оттуда я мог лишь вслед за врагом, я гнался за ним по пятам, и волей-неволей он вывел меня наконец к потайным ходам Казад-Дума: вверх и вверх вели они, и мы очутились на Бесконечной Лестнице.

– О ней уж и память изгладилась, – вздохнул Гимли – Одни говорят, что это сказка, другие – что Лестницу давным-давно разрушили

– Это не сказка, и давным-давно ее не разрушили. В ней много тысяч ступеней, и винтом восходит она от каменных подземелий к Башне Дарина, вытесанной в остроконечной скале, вершине Зиракзигила, иначе Среброга, Келебдора по-среднеэльфийски.

Там, за одиноким окном, прорезью в оснеженном льду, был узкий выступ, точно орлиное гнездовье над мгlistым покровом гор. Сверху ярилось солнце, внизу залегли облака. Я выпрыгнул наружу вслед за ним, а он вспыхнул огненной головней. Ничьи глаза не видели этого Поединка на Вершине Вершин, а то бы песни о нем, может статься, пережили века. – И Гэндальф вдруг рассмеялся. – Но о чем тут слагать песни? Издали заметили только страшную грозу на вершине Келебдора – грохотал, говорят, гром, и молния за молнией разрывались лоскутьями пламени. Может, для песен и этого хватит? Дым стоял над нами столбом, клубился смрадный пар, сыпалось ледяное крошево. Я одолел врага; он низвергся с заоблачных высот, в паденье обрушивая горные кручи. Но тьма объяла меня, и я блуждал в безначальном безвременье, путями, тайна которых пребудет нерушима.

Нагим меня возвратили в мир – ненадолго, до истечения сроков И очнулся я на вершине горы. Ни окна, ни самой Башни не было; Лестницу загроздили груды обожженных камней. Я лежал один, не чая спасенья и помощи ниоткуда, на кремнистой крыше мира. Надо мною вершился звездный круговорот, и дни казались мне веками. Я внимал смутному, слитному ропоту земного бытия: предсмертным крикам и воплям рожениц, застольным песням и погребальному плачу и медленным, тяжким стонам утомленного камня. И прилетел Гваигир Ветробой; он меня поднял и понес неведомо куда.

«Ты поистине друг в беде, а я – твое вечное бремя», – сказал я ему.

«Был ты когда-то бременем, – проклекотал он, – но нынче ты не таков. Лебединое перышко несущий я в своих когтях. Солнечные лучи пронизывают тебя. И я тебе больше не нужен: отпущу – и ты поплывешь с потоками ветра».

«Не надо, не отпускай! – попросил я, понемногу возвращаясь к жизни. – Отнеси меня лучше в Кветлоризэн!»

«Так мне и повелела Владычица Галадриэль, высылая меня за тобою», – отвечал он.

И принес он меня в Галадхэн, откуда вы недавно перед тем отплыли. Вы знаете, время там не старит, а целит, и я исцелился. Меня облачили в белые одежды. Я был советчиком и принимал советы. Необычной дорогой пришел я оттуда и принес вам устные посланья. Арагорну сказано так:

На сумеречном Севере блесни,

Эльфийский Берилл!

Друзей призови к оружию и родичей собери.

Они увидят, услышат –

и откликнутся все, кто жив, –

И Серая выйдет Дружина на южные рубежи.

Тебе же сужден одинокий и непомерный труд:

Прямую дорогу к Морю мертвые стерегут.

А тебе, Леголас, Галадриэль передала вот что:

Царевич из Лихолесья! Под сенью лесной

Жил ты себе на радость. Но потеряешь покой! –

Возгласы быстрых чаек

и рокот прибрежной волны

Станут тебе отрадней возлюбленной тишины.

Гэндальф замолк и прикрыл глаза.

– А мне, значит, ничего нет? – спросил Гимли и повесил голову.

– Темны слова ее, – сказал Леголас. – Моему уху они ничего не говорят.

– Для меня это не утешение, – буркнул Гимли.

– Тебе что, больше всех надо? Хочешь, чтобы она предрекла твою гибель?

– Да, хочу, если больше ей нечего мне передать.

– О чем вы там? – спросил Гэндальф. – Нет, моему уху обращенные к вам слова кое-что говорят. Прошу прощенья, Гимли! Я просто сызнова обдумывал эти два ее послания. Но есть и третье, не туманное и не скорбное.

– «Гимли, сыну Глоина, – сказала она, – поклон от его Дамы. Хранитель моей пряди, мысли мои неотлучно следуют за тобой. Да не остынет твоя доблесть, и пусть рубит твоя секира лишь то, что должно рубить!»

– В добрый час ты вернулся к нам, Гэндальф! – возгласил Гимли и пустился в пляс под диковатый напев на гномьем языке. – Ну, теперь держитесь! – кричал он, вертя топором над головой. – С Гэндальфом я, конечно, дал маху, но уж в следующий раз рубанем кого надо на славу!

– Следующего раза недолго ждать, – пообещал Гэндальф, вставая с камня. – Что ж, поговорили – и будет с нас на первый случай. Пора в путь!

Он снова завернулся в свою ветхую хламиду и пошел первым. Молча и быстро спустились они с горы, добрались до Онтавы и берегом вышли к опушке, на лужайку под развесистым дубом. Лошадей было по-прежнему не видеть и не слышать.

– Не возвратились они, – заметил Леголас. – Пешком побредем.

– Некогда мне пешком ходить, – сказал Гэндальф. Он задрал голову и засвистел так пронзительно-звонко, что все на него обернулись – неужто свист этот издал благообразный старец с пышной бородой? Он просвистел трижды; им почудилось, будто восточный ветер донес издали ржание лошадей, и они изумленно прислушались. Арагорн лег, приложил ухо к земле и почуял дальнейшее содрогание; вскоре оно превратилось в цокот быстрых копыт, стучавших все четче и ближе.

– Скачет не одна лошадь, – сказал Арагорн.

– Конечно, не одна, – отозвался Гэндальф. – Одной на четверых маловато.

– Их три! – воскликнул Леголас, вглядываясь в степную даль. – Вот скачут так скачут! Да это Хазуфел, и Арод мой с ним! Но третий мчится впереди: огромный конь, я таких в жизни не видывал.

– И не увидишь, – молвил Гэндальф. – Это Светозар, вожак царственного табуна Бэмаров, такой конь в диковинку самому конунгу Теодену. Видишь, он блещет серебром, а бег его плавен, точно живой ручей! Конь под стать Белому Всаднику, мой соратник в грядущих битвах.

Так говорил старый маг, и пышногривый красавец конь на скаку появился вдали, весь в серебряных бликах. Хазуфел и Арод поотстали, а Светозар приблизился легкой рысью, стал, склонил горделивую шею и положил голову на плечо старика. Гэндальф ласково потрепал его по холке.

– Далек был путь от Раздола, друг мой, – сказал он, – но ты не промедлил и примчался в самую пору. Теперь поскачем вместе и уж более не разлучимся до конца дней! Мы спешим в Медусельд, в тронный чертог вашего господина, – обратился Гэндальф к двум другим коням, стоявшим поодаль как бы в ожидании. Они понятиво склонили головы. – Время наше на исходе. Позвольте, друзья мои, мы поедем верхом, и просим вас бежать со всею резвостью. Седок Хазуфела – Арагорн, Арода – Леголас. Гимли я посажу перед собою: надеюсь, Светозару будет не в тягость двойная ноша. Тронемся в путь немедля, только напьемся воды у Онтавы.

– Теперь хоть я понимаю, что случилось ночью, – сказал Леголас, взлетев на коня. – Сначала их, может быть, и спугнули, а потом они с радостным ржанием понеслись навстречу своему вожаку Светозару. Ты знал, что он неподалеку, Гэндальф?

– Знал, – ответил маг. – Я устремил к нему мысль и призывал его поспешить, ибо вчера еще он был далеко на юге. А нынче помчится обратно – серебряной стрелой!

Гэндальф склонился к уху Светозара, и тот прынул с места, оглянувшись на собратьев, круто свернул к Онтаве, мигом отыскал покатый береговой спуск и брод, пересек реку и поскакал на юг по безлесной плоской равнине, колыхавшей от края до края серые травяные волны. Ни дорог, ни тропинок не было и в помине, но Светозар несся, точно летел над землей.

– Скачет напрямик на Эдорас, к подножиям Белых гор, – объяснил Гэндальф. – Так, конечно, быстрее. Есть туда и наезженная дорога, она осталась за рекой, в Остемнете, и сильно забирает на север, а здесь бездорожье, но Светозар каждую кочку знает.

Тянулись дневные часы, а они все ехали приречьем, заболоченными лугами. Высокая трава порой схлестывала колени всадников, и кони их словно плыли в серо-зеленом море. Ехали, минув глубокие промоины и коварные топи среди зарослей осоки; Светозар скакал как посуху, и оба других коня поспешали за ним след в след.

Солнце медленно клонилось к западу; далеко-далеко, за бескрайней равниной, трава во всю ширь занялась багрянцем, и, надвинувшись, озарились багровым отсветом склоны гор. А снизу подымалось и кровянило солнечный диск меж горами дымное облако: закат пламенел как пожар.

– Это Врата Ристании, – объявил Гэндальф, – они прямо к западу от нас. А вон там, севернее, Изенгард.

– Дым валит тучей, – пригляделся Леголас. – Там что, большой пожар?

– Большая битва! – сказал Гэндальф. – Вперед!

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Властелин колец (5 глава)" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)